

Джинни

МИШКА

трагедия [не] одной семьи

Джинни

Мишка: трагедия (не) одной семьи

«Автор»

2024

Джинни

Мишка: трагедия (не) одной семьи / Джинни — «Автор», 2024

В 2003 году, когда я училась во втором классе, брат, служивший в американской армии, улетел в командировку в Ирак. В основу этой книги легли записи из моего детского дневника тех лет и размышления повзрослевший меня о том, как разглядеть хоть что-то хорошее, когда мир вокруг уходит из-под ног...

© Джинни, 2024

© Автор, 2024

Содержание

Предисловие	5
1. Осколки детства	7
20 марта 2003 года	7
23 марта 2003 года	10
3 апреля 2003 года	11
6 апреля 2003 года	12
20 апреля 2003 года	13
27 апреля 2003 года	14
1 мая 2003 года	15
10 мая 2003 года	16
14 мая 2003 года	17
15 мая 2003 года	18
20 июля 2003 года	19
30 июля 2003 года	21
2 августа 2003 года	22
19 августа 2003 года	23
30 августа 2003 года	24
10 сентября 2003 года	25
12 сентября 2003 года	26
30 сентября 2003 года	27
27 ноября 2003 года	28
25 декабря 2003 года	29
31 декабря 2003 года	30
19 января 2004 года	31
20 января 2004 года	32
5 февраля 2004 года	33
19 февраля 2004 года	35
27 апреля 2004 года	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Джинни

Мишка: трагедия (не) одной семьи

Предисловие

Бывают дни, когда нечем дышать. Дни, когда хочется орать и бить тарелки или боксерскую грушу. Дни, когда рыдаешь навзрыд и не веришь в то, что все это происходит наяву. Дни, разделившие жизнь на «до» и «после». Дни, после которых ты уже не будешь прежним.

Но если вам сейчас больно и страшно, знайте, что вы не одни. Двадцать один год назад по другую сторону океана я и мои близкие чувствовали то же самое. Я допускаю, что вас это не утешит. Мне самой в 2005-м году или даже в 2007-м это не помогло бы ни капельки, но, оглядываясь назад, я могу не лукавая сказать, что со временем боль притупляется.

Мои родственники переехали в США из Ленинграда в конце 1970-х годов, я и брат Мишка – то есть по документам он Майкл, но дома родители называют его по-другому, а я сызмальства прозвала Мишкой – родились уже в штатах.

В 2001 году, когда мне было пять с половиной лет, брат, окончив школу, подписал договор на службу в сухопутных войсках. Не ради льгот¹, у нас достаточно обеспеченная семья, и дедушка мог оплатить внуку колледж, а потому, что Мишка с детства мечтал стать военным.

Трагедия моей семьи началась вечером 19 марта 2003 года, когда США объявили военную кампанию в Ираке. На тот момент родители знали, что Мишка еще с февраля находится на нашей военной базе в Кувейте, но мне этого не сообщали, чтобы не пугать, так как, во-первых, до последнего никто, естественно, не знал, войдут ли они в итоге в Ирак, а во-вторых, родители вообще долго не могли определиться с тем, стоит ли мне все это рассказывать или нужно от меня все полностью или частично скрыть, поэтому я думала, что брат находится на военной базе в Америке. Тем вечером я не смотрела новости, и взрослые тщательно блюли, чтобы я ни в коем случае не подходила к телевизору. Интернетом я тогда практически не пользовалась, поэтому мой персональный конец света начался только утром следующего дня. Все произошедшее стало для меня полным шоком, так как я в силу возраста не до конца осознавала, что этот день может настать (на самом деле вся страна это обсуждала), новости я смотрела, но нерегулярно, и далеко не все в них, если честно, понимала, так что война в мой маленький детский мир пришла внезапно, фактически без предупреждения, утром двадцатого марта, оглушив меня без единого выстрела, потому что брат был среди тех американцев, кто пересек границу этой ближневосточной страны и участвовал в битве за Багдад.

В тот день поздно вечером, закрывшись в своей комнате и захлебываясь от слез, я начала вести дневник, который и лег в основу этой истории.

Через двадцать один год после начала самой личной для меня войны я могу точно сказать, что даже после ада жизнь продолжается. Да, конкретно у меня она уже никогда не будет абсолютно такой, как прежде. Иногда она с привкусом горечи и крови во рту. Возможно, потому, что я тогда была ребенком. Для меня операция «Иракская свобода», как она официально называется, – это не просто страница истории, а первая в жизни война, которую я видела в «прямом эфире», первая и, хочется верить, последняя, в которой участвовали мои близкие, если не считать тех, кто ушел в мир иной еще до моего рождения. Та отвратительная весна и после-

¹ В американских вооруженных силах у рядовых зарплаты не очень высокие, но есть ряд существенных льгот. Например, армия оплачивает высшее образование, которое в США очень дорогое, причем независимо от того, бывал ли солдат в «горячих точках».

дующий год изменили меня, но что-то в том периоде жизни было и приятное. Что-то, чему я очень благодарна. Книга и об этом.

Ночные кошмары полностью прекратились через полтора года после тех жутких месяцев, и лишь к 2012 году я научилась говорить о самой ужасной для меня, пусть и не самой кровопролитной для нашего государства, войне и тех, кого она задела вплотную, без слез и тремора в руках. Мама, бабушка и все остальные мои близкие взрослые, кроме бабушки, вышли из этой битвы, на мой взгляд, гораздо быстрее меня. Хотя я допускаю, что мне так казалось только со стороны. Бабушка, пожалуй, все еще застряла на стадии депрессии легкой стадии, но я не психотерапевт, официального диагноза у нее нет, так что это лишь мои наблюдения.

Скорее всего, вам удастся принять горе раньше, чем мне, потому что я была очень впечатлительным и ранимым ребенком, и это сыграло колоссальную роль. Возможно, к вам смирение придет позже. Возможно, вам понадобится помощь специалиста, но это обязательно случится, потому что все мы люди – самые разумные из всех существ. И мы гораздо сильнее и смелее, чем думали еще вчера.

1. Осколки детства

20 марта 2003 года

– Ты что, еще спишь? – ужаснулась мама, заглянув ко мне и остановившись в дверном проеме.

Я нехотя открыла глаза и взглянула в ее сторону. Должно быть, это все происходит наяву. Понезнись еще в постели мне не светит.

– Быстро вставай, – сказала она строго и удалилась к себе, не дожидаясь, пока я поднимусь с кровати.

Когда мама вышла, я опустила голову на подушку, надеясь подремать еще чуть-чуть. Ну, хоть капельку. Но моим мечтам не суждено было сбыться.

– Десять минут восьмого.

Кажется, голос доносился из ее комнаты.

Осознав, что опаздываю, я вскочила и помчалась в душ. Почему мама не разбудила меня раньше? Сходив в туалет и быстро помывшись, я кинула короткий взгляд на часы, висящие кухне: мама не обманула.

– А что есть? – спросила я, растерянно осмотрев обеденный стол, на котором зияла внушающая страх пустота.

На всякий случай я даже изучила все конфорки плиты и столешницу, но и там не нашла ничего съедобного.

– Открой глаза и реши этот вопрос! – гаркнула мама.

– Не кричи на ребенка, – сказала бабушка, придя на кухню.

Она с дедушкой и прабабушкой живет в другом доме, в нескольких кварталах от нашего, и обычно с утра к нам в гости не ходит, так что я очень удивилась, но была рада ее видеть.

– Солнышко, возьми что-нибудь в холодильнике, – ласково сказала моя прародительница, чмокнув меня в лоб.

– Хлопья с молоком? – недоуменно уточнила я, открыв дверцу холодильника и не найдя там ничего готового из того, что я обычно ем перед школой.

Ведь вряд ли родители всерьез считают, что я за десять минут самостоятельно научусь готовить блины или вообще омлет и порадую всех своими кулинарными способностями.

– Что хочешь, но не задерживайся, – с этими словами бабушка удалилась на второй этаж.

– Глаза пусть разует! – крикнула мама.

С трудом сдерживая эмоции, я, словно бедный родственник, принялась за свой завтрак в несчастном одиночестве.

Покончив с трапезой, я пошла в свою комнату одеваться. Меня осенила страшная догадка: мама и папа разводятся, а потому она такая нервная.

– Успокойся, – строго сказала бабушка по-русски, обращаясь к маме и проходя мимо распахнутой двери в мою комнату.

Русский, конечно, нереально сложный, но слово «успокойся» я способна понять, так что я наострила уши.

– Что значит «успокойся»? Он мой сын! – крикнула мама.

Слово «сын» тоже легкое.

– Что с Мишкой? – облизывая пересохшие губы, взволнованно спросила я по-английски.

– Не твое дело, – отрезала мама.

Я с надеждой в глазах посмотрела на бабушку, но та лишь спустилась в гостиную, оставив меня наедине с мамой.

Мишка, дедушка или прабабушка точно бы мне все растолковали. Жаль, что брат в армии, а дедушка и прабабушка не пришли к нам в гости. К горлу подступил комок, но я изо всех сил старалась сдерживаться.

Мама велела садиться в машину. Я повиновалась.

Первый урок – моя любимая математика: хоть что-то хорошее в этом странном, но теплом четверге. Учительница сказала, что для защиты местных жителей и борьбы с терроризмом наши военнослужащие пересекли границу Ирака и начали наносить там удары по военным объектам. По коже пробежали мурашки.

Вечером бабушка резала салат, а дедушка и прабабушка сидели в гостиной перед телевизором, но, заметив, что я спустилась к ним, тотчас все выключили.

– Мишка в Ираке, да? – спросила я испуганно.

Дедушка взял меня на руки, и я уткнулась лицом в его широкую грудь.

– Солнышко, Миша там, но мы быстро победим их, и все будет хорошо, – ответил он.

Вырвавшись, я убежала в свою комнату, захлебываясь слезами.

Меня терзали противоречивые чувства. С одной стороны, я, конечно, понимала, что Мишка военный, причем у него боевая специальность, а потому он мог оказаться в «горячей точке», с другой, у меня вообще-то согласия на это никто не спрашивал. И это несправедливо. Мне как будто дали пощечину. Ни за что. Два года назад, когда брат заключил контракт, мне было пять лет, и, кажется, со мной это никто не обсуждал. Ну или я это напрочь не помню. А даже если меня о чем-то и спрашивали, и я даже дала на это добро, это еще ничего не значит. Что я могла соображать? Взрослые все решили за меня. И Мишка, получается, тоже. Но он же меня любил и любит. Как он мог со мной так поступить? Он же должен был предугадать, что я не вынесу, если его убьют или если он попадет в плен?

Я услышала, что открылась входная дверь, раздался мамин и папин голоса, и все взрослые принялись обсуждать что-то на русском. Специально, чтобы я не могла подслушивать. Бесит.

В комнату заглянула прабабушка. Присела на мою кровать. Обняла. Вытерла слезы с моего лица. Дрожащим голосом что-то сказала на русском. Я сделала вид, что все поняла, хотя, если честно, нет. Но судя по тону, явно звучало что-то ободряющее. Безусловно, мы могли бы с ней быть ближе, если бы я знала русский или если бы она знала английский, но она переехала в США только в 1990-х, и в силу возраста его пока не освоила. Нет, она, конечно, знает слов пятьдесят, и я в русском столько же, наверное, но это же капля в море.

Несколько часов мы лежали с прабабушкой вдвоем в моей комнате, она читала мне детскую книгу о летающих пони, которую когда-то, словно в другой реальности, я обожала. Она читала на русском, но я все понимала, так как повесть не раз сама читала на английском и знала ее наизусть. Ну и мама с бабушкой мне ее тоже вслух часто читали.

В какой-то момент захотелось спросить, как им с бабушкой удалось выжить в блокадном Ленинграде, но слишком сложная лексика. Хотя, может, оно и к лучшему: меньше знаешь – крепче спишь.

Ближе к ночи к нам пришел дедушка, прабабушка спустилась в гостиную к бабушке и родителям, а дедушка объяснил мне, что в Ираке мы боремся с террористами, Мишка – герой, и я должна им гордиться, а не распускать нюни. По его словам, у нас самая сильная и эффективная армия в мире, поэтому Мишка не погибнет и не будет ранен. И никто не погибнет и не будет ранен. Ну, из наших. Похоже, дедушка считает меня за совсем мелкую дурочку. Я насупилась и напомнила ему, сколько наших солдат скончалось во Вьетнаме. Он несколько секунд задумчиво молчал, а потом извинился, признал мою правоту и обрадовался тому, что я хорошо знаю историю. Какое-то время мы с ним вполне мило поговорили, и я даже, кажется, немного

успокоилась. Конечно, война – это очень страшно, но когда враг слаб, это еще не очень плохо, тем более, что Мишка и другие рядовые и офицеры отлично подготовлены и экипированы.

Уснуть одной было сложно, поэтому я по традиции поплелась в родительскую спальню, попросившись лечь между ними. К счастью, сегодня ни мама, ни папа не сказали, что я дылда и должна перестать бояться спать одна. Лет до четырех я практически все время норовила ночевать вместе с родителями, взрослые пытались меня отучивать от этого, но, увидев мои искренние слезы, быстро сдавались. С пяти лет я с горем пополам смогла спать одна, но из-за терактов 11 сентября 2001 года тоже, естественно, долго не могла уснуть, хотя мы живем в другом штате. Тогда я пришла к родителям в спальню, оккупировав ее на целый месяц, так что папе пришлось переехать в гостевую комнату: иначе нам втроем было якобы тесно. С тех пор я уже почти полтора года благополучно ночевала одна и, если честно, даже начала подзабывать, чего именно я так опасалась в раннем детстве, но сегодня полузабытые кошмары охватили меня целиком.

23 марта 2003 года

Мама и бабушка запретили мне читать и смотреть новости, чтобы я не переживала. Пока я не решалась послушаться их, но какие-то отголоски информации до меня все равно доходят. Буш, объявляя начало кампании, сказал, что наши военные не вернутся домой, пока миссия не будет выполнена, а враг оказался не так слаб, как все думали изначально. Это очень напрягает. Что значит не вернуться домой, пока не победят? А если война будет длиться год? А если десять лет? Интересно, на сколько лет у брата контракт?

Дедушка сказал, что Мишка вернется в штаты, когда свергнут Хусейна, и уверяет меня, что у брата все нормально, а остальные взрослые отказываются говорить со мной об этом и вечно ругаются друг с другом. Больше всего конфликтуют папа и дедушка. Они, конечно, и раньше часто ссорились, так как папа, по мнению бабушки, мало зарабатывает и не считает себя американцем, но сейчас и часа не проходит без ора. Ах да, бабушка, дедушка, а иногда еще и прабабушка каждый день приходят в нам в гости, раньше они посещали нас гораздо реже. Причем, ругаются взрослые на русском. Естественно, чтобы я ничего не понимала. Как же раздражает!

1 апреля 2003 года

Настроение странное. На мир я смотрю словно через пелену слез, хотя плачу только дома и то не каждый день. Сознание какое-то затуманенное.

Я по-прежнему сплю с родителями и почти каждый день то в два, то в четыре часа ночи просыпаюсь от кошмаров. Иногда мне снится, что Мишка в плену и его пытаются. Сложно представить, что с ним может произойти в такой отсталой и нарушающей права человека стране как Ирак...

Мне прописали какие-то легкие успокоительные, но они не помогают, а серьезные мама мне пока давать не хочет.

3 апреля 2003 года

Дедушка думал, что мы возьмем Багдад за несколько дней, но что-то пошло не так. Я все еще боюсь активно смотреть новости, но из разговоров взрослых и мельком увиденных фрагментов телепередач я узнала, что у нас, естественно, есть потери и в целом там творится кромешный ад. Но дедушка сказал, что с Мишкой все хорошо.

Почти все члены моей семьи все чаще ругаются. Меня они, конечно, пытаются успокаивать и подбадривать, но мне все равно страшно. И странно. Еще год назад я очень гордилась тем, что мой брат – военный, а сейчас я завидую тем, у кого братья программисты, бизнесмены или студенты. Или пусть даже работники быстро.

Даже если предположить, что у Мишки действительно все в относительном порядке, то есть он жив, здоров, сыт и не попал в плен, то все равно ему там очень тяжело. Да, я, конечно, понимаю, что он гораздо старше и намного смелее меня – я чуть ли не до потери сознания боюсь даже разбитого стекла, но все равно сложно представить, через что он проходит.

Даже когда я одета в футболку, одежда летом всегда прилипает к телу, так что я боюсь думать о том, каково военным в форме, в бронежилете и каске, когда, помимо пекла, им мешают жить враги, а еще же надо выполнять приказы. Я бы так точно не смогла.

6 апреля 2003 года

Вчера я посмотрела сводки новостей и ну... Блин, как это сказать... Я не знаю, в общем, меня вырвало... Я не знаю, как военные там все это вживую видят и еще чего-то даже делают... Ну, я понимаю, что мальчики обычно смелее девочек, к тому же, они взрослые, но все равно... Ну и потом просто там же девочки среди мирных жителей тоже есть... Даже младше меня... Хотя – я сейчас, наверное, крамольную вещь скажу, но правда так считаю – совсем младенцам, наверное, все нипочем... Они не понимают, как все плохо... Или вообще ничего не осознают в принципе... А вот детям, которым года по четыре или лет по пять-шесть, я думаю, им хуже всех, потому что они уже все понимают, но еще очень впечатлительные... Я даже после просмотра кино о Гарри Поттере в шесть лет уснуть не могла и шла к родителям в комнату, чтобы ночевать с ними в одной постели. И в санузел потом еще три часа одна ходить боялась: опасалась того, что рухну из унитаза прямиком в тайную комнату к Василиску... Или к Волан-де-Морту...

Родители и бабушка изредка переходят на английский и обвиняют дедушку во всех смертных грехах. Они убеждены, что брат пошел в армию, так как дед его к этому подначивал. А еще они припомнили ему, что тот отдал внука в свое время на курсы стрельбы и всячески поощрял его увлечение оружием.

20 апреля 2003 года

Сегодня я впервые осознала, что, кажется, я эгоистка. Полтора года назад, практически сразу после терактов 11 сентября, началась кампания в Афганистане, но за все те месяцы я ни разу не думала ни об одном из наших военных или об их близких. Я считала, что те события происходят где-то очень далеко и меня совсем не касаются. Теперь я понимаю, что горе может быть ближе, чем ты думал еще месяц назад...

Вечером мама и бабушка сказали, что я слишком накручиваю себя, а еще, что я слишком мала для того, чтобы вникать во все наши войны. По их мнению, если бы Мишка не стал военным, то я бы и об Ираке почти ничего не знала, и ничего стыдного в этом нет, всему свое время.

У Мишки, к счастью, все хорошо. Изредка он звонит нам. Брат жив, здоров, сыт и бодр. Но я за него все равно очень переживаю и скучаю, а еще связь есть не всегда...

27 апреля 2003 года

Сегодня мне снова приснилось, что Мишка в плену и его пытаются. Утром к нам пришел дедушка и успокаивал меня. Он уверял, что теперь с братом точно ничего не случится, потому что все самое страшное осталось позади, интенсивных боев уже почти нет и у нас во всем огромное преимущество.

1 мая 2003 года

Ура! Мы победили. Буш сказал, что все закончилось.

Я решила, что больше не буду спать с мамой и папой в их спальне. Иракцы на нас точно не нападут, они далеко и повержены.

10 мая 2003 года

Ура! Мишка прилетел в отпуск! Жизнь налаживается.

14 мая 2003 года

Мама и бабушка все чаще причитают, что брат сломал себе жизнь, но я, говоря откровенно, не понимаю, что они имеют в виду. Один раз я слышала, как ночью он кричал: выяснилось, что ему приснилось, как погибал его сослуживец, но больше лично я ничего страшного в его поведении не замечала. Нет, я, разумеется, знаю, что иногда военные, побывавшие в «горячих точках», страдают от алкогольной или наркотической зависимости, кто-то начинает колотить стены или даже поднимать руки на домочадцев, а некоторые и вовсе сходят с ума, но с Мишкой нет ничего такого и подавно. Он весел, с воодушевлением играет со мной в «строительный кран», то есть поднимает меня над головой на вытянутых руках, я обожаю это; плавает, катается на велике, роликах и скейте, общается с друзьями. А еще у него появилась новая девушка.

Мишку в армии все очень ценят, и ему там все нравится.

Но папа сказал, что в Ираке полная жуть, особенно жутко было, когда они только вошли туда, и Мишка мне ничего плохого не рассказывает, чтобы не пугать меня, а еще потому, что мама, бабушка и прабабушка его об этом очень просили, но я не должна обольщаться. Брат в относительном порядке, но это чудо. Обычно люди возвращаются с войны совсем другими.

15 мая 2003 года

Бабушка расспрашивала Мишку о его сослуживцах. Оказалось, что вместе с ним воюет еще один выходец из России – Денис. Но, в отличие от нас, парень переехал сюда один в 2001 году, выиграв в лотерее грин-карту², и сразу же пошел в армию. Американское гражданство он получил в 2002.

Папа сказал, что еще можно понять, зачем Денис вступил на этот путь: за службу в ускоренном порядке полагается гражданство, а еще зеленым иммигрантам свойственно идеализировать страну, в которую они переезжают, но Мишке туда идти было совершенно незачем: гражданство, как и у меня, у него, естественно, с рождения, рядовым платят там не так много, особенно учитывая риски, льготы не такие уж существенные, а брат напомнил, что контракт заключал не ради «плюшек», а потому, что с детства мечтал быть военным.

² Имеется в виду государственная лотерейная программа США по получению иммиграционных виз, дающих право на получение статуса постоянного резидента США.

20 июля 2003 года

Мишку отобрали в группу снайперов. Это очень круто! Конкурс был десять военных на место. Дедушка так счастлив, что подарил внуку новую машину. А я минут десять прыгала от восторга почти до потолка, бабушка сказала, что якобы аж стекла дребезжали, и выпроводила меня во двор от греха подальше. Но мне кажется, ей это померещилось: быть такого не могло, я же мало вешу. Я бы брату, наверное, тоже чего-нибудь подарила, если бы была взрослой и много получала. Правда, пока Мишка на автомобиле ездить почти никуда не может (разве что в выходные, если у них нет учений), так как большую часть дней и иногда даже ночей он занят, а еще его скоро снова отправят в Ирак. Но брат все равно очень обрадовался, конечно.

При этом родители и бабушка в шоке от таких подарков, говорят, что дед якобы направляет внука не на тот путь и поощряет его любовь к армии, что недопустимо. А если дед такой щедрый и богатый, то лучше бы оплатил ребенку колледж сразу после школы и заставил бы его туда идти, а не поддерживал его юношеский запал служить в армии.

Прабабушка в целом за брата очень волнуется, но в то же время гордится и считает, что в машине ничего плохого нет. Если зять может себе это позволить, то почему бы и нет. Ребенок же старается, а не лежит тупо на диване, ничего не делая.

– Мария Валерьевна, вы правнуку смерти, что ли, желаете? – опешил папа, услышав ее слова.

– Типун тебе на язык, – ответила прабабушка. – Безусловно, война – это горе, но если уж Мишутке нравится такая работа, если у него получается, то почему мы должны ему это категорически запрещать? Кто-то же должен Родину защищать. Конечно, я бы предпочла, чтобы он служил в российской армии, но раз уж жизнь так сложилась, что мы живем в Америке, а он здесь родился и вырос, то ничего крамольного я в этом не вижу. Во время Великой Отечественной я сама на фронт пошла бы, так как я «Ворошиловский стрелок», но Настенька родилась как раз перед войной.

– Тогда немцы на Советский Союз напали, а сейчас на нас, что, кто-то нападал? Вас не смущает, что Миша защищает Америку, находясь в Ираке?

– Ваня, что же ты совсем новости не смотришь? – спросила она с укоризной. – Вроде и английский знаешь, но как будто ничем не интересуешься. Хусейн причастен к терактам 11 сентября, а еще он занимался разработкой оружия массового поражения. Конечно, физически они бы на нас не напали: кто мы, а кто они. Альтгеймера у меня еще, слава Богу, нет, но Ирак представлял угрозу и для нас, и для всего мира.

– Доказательства того, что у Ирака есть оружие массового поражения, сомнительны, а с 11 сентября тоже все вилами на воде писано... – парировал папа.

Конечно, я сама разговоры папы и прабабушки не поняла, так как они беседовали на русском, но дедушка потом для меня все перевел, так как я его об этом очень просила. Еще он объяснил мне, что родители и бабушка очень переживают, так как думают, что Мишка может заболеть, и его никто не будет там лечить или он проголодается, но на самом деле ничего такого не произойдет. наших солдат и офицеров полноценно и вкусно кормят, в случае необходимости им своевременно предоставляется медицинская помощь, так что нервничать не из-за чего.

Новобранцев качественно обучают, а еще командиры несут личную ответственность, если подчиненные получают ранения по их вине, так что это происходит крайне редко. На курс молодого бойца и другие более профильные тренинги – например, школу снайперов, которую недавно окончил Мишка – тратится уйма денег, и там из военных готовят настоящих, практически непобедимых профессионалов.

Мне сказали, что я не должна воспринимать их споры близко к сердцу, брат, конечно, большой молодец, но он выбрал очень трудный путь, поэтому они волнуются, но это не значит,

что они его не любят. Разумеется, они предпочли бы, чтобы он пошел в колледж или устроился на обычную работу вместо армии, но что случилось, то случилось, а сейчас уже вообще нельзя ничего изменить, так что остается только молиться и надеяться на лучшее.

30 июля 2003 года

Мишка, естественно, в будущем хочет стать офицером, так что в колледж ему по-любому придется идти, так как без степени бакалавра им нельзя стать. Хотя именно слушать лекции ему не очень нравится, но придется смириться...

Сегодня папа пытался переманить меня на их сторону: они с мамой и бабушкой категорически против того, чтобы брат продлевал контракт (срок нынешнего истекает летом следующего года), но Мишка их не слушает, не собирается менять специальность на менее боевую и все свое будущее связывает только с вооруженными силами. Но я не хочу быть засланным казачком! У меня есть свое мнение, и теперь я считаю, что брат все делает правильно.

Конечно, весной я очень волновалась за него, но он же ради благого дела старается. Наверное, ради такого можно и потерпеть.

2 августа 2003 года

Мишка снова улетел в Ирак. Они поддерживают в стране порядок и борются с террористами и партизанами.

Как ни странно, я уже почти не переживаю. Меня переполняет гордость за брата.

Теперь я склоняюсь к тому, что это мне было бы страшно и невыносимо в «горячей точке», даже если бы я была взрослой (девушки в Америке тоже могут служить, но не во всех родах войск и не на всех должностях), но Мишка мало похож на меня, так что я охотно верю, что ему там действительно нормально. Он с детства обожает экстрим, а я даже в аквапарках игнорирую почти все горки и еще ни разу не каталась на сноуборде. А когда спускалась на горных лыжах с относительно низкого склона, и то собиралась прощаться с жизнью. На скейте по ровной асфальтированной дороге я проехала в своей жизни разве что один метр, но держась за Мишкину руку, и очень медленно, а он в мои годы уже всю вытворял трюки.

19 августа 2003 года

Сегодня папа сказал, что США вторглись в Ирак без разрешения ООН, а Мишка – убийца, а не герой. Между ним с дедом завязалась драка. Мама и бабушка сумели вовремя их разнять, так что мужчины отделались синяками, а я спряталась за спинкой дивана в гостиной и рыдала. Раньше я думала, что взрослые могут ненавидеть друг друга только из-за измен или на худой конец из-за денег. Хотя даже по этим поводам махать кулаками – это явный перебор...

Я уже ничего не понимаю. Но Мишка точно не убийца!

Когда все чуть утихомирились, я выползла из своего убежища и сказала папе, что этого ему никогда не прощу. Ну, не драку, хотя это тоже ужасно, а то, что он назвал брата убийцей. Папа сказал, что имел в виду не то, что сказал, а еще выяснилось, что взрослые думали, что я была в своей комнате, когда разгорелся конфликт.

Прабабушка увела меня наверх, объяснила, что папа ляпнул это сгоряча, он это не всерьез и наверняка сразу же пожалел о сказанном.

Папе я не верю, и меня очень коробят его заявления о том, что мы якобы что-то делаем неправильно в Ираке. Даже если есть какие-то маленькие промахи, это не так страшно. Не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Дедушка говорит, что настоящие мужчины не должны бояться трудностей, и мой брат именно такой. А папа – трус и неудачник. Он даже зарабатывает меньше, чем его сын или жена.

Дедушка, пожалуй, прав. Отец и в самом деле мало получает и ничего особо в жизни не добился, хотя переехал сюда в семнадцать лет. А дедушка эмигрировал в сорок с лишним, но гораздо успешнее своего зятя.

Мы часто болтаем с Мишкой. Он говорит, что, бывает, они чертовски устают, но это естественно, война все-таки. В целом там все очень круто, и брат прекрасно себя чувствует. Теперь они живут в комфортабельных казармах, и там даже душ есть. То есть там практически, как у нас. Ну то есть они теперь не совсем в голой пустыне и больше не ночуют в палатках, как раньше... Точнее, конечно, там не так, как в Америке, а гораздо хуже, страшнее, жарче и кругом все еще враги, но по сравнению с тем, что было в марте, теперь у них просто пятизвездочная гостиница. И кормить стали лучше. Мама переживает, так как сейчас выяснилось, что изначально они голодали, но брат заверил, что это не так. Просто когда брали Багдад, первое время питались сухпайками, и это логично, а сейчас там блага цивилизации, и все пучком.

Я сначала напряглась, а потом решила, что это не так уж и страшно. Все-таки война – это не курорт, и глупо было ожидать чего-то другого.

Кошмары мне больше не снятся.

30 августа 2003 года

У меня день рождения. Мишка все еще в Ираке, но он поздравил меня по телефону. Настроения праздновать нет, хотя все взрослые, конечно, пытались создать атмосферу торжества. Из друзей я никого приглашать не захотела, но мама все равно позвала Кейт — мою лучшую подружку.

Мы с ней не ссорились, и в целом у меня нормальные со всеми отношения, но желания особо общаться ни с кем нет. Естественно, у Кейт и у всех остальных все близкие в Америке, так как в армии служит примерно один процент от всего населения страны, и лишь часть из этого процента имеет именно боевую специальность, а потому с большей долей вероятности может оказаться на передовой, поэтому друзья не разделяют моих страданий в полной мере. Они думают, что быть военным — это очень круто и почетно. Да, они, конечно, понимают, что Мишка может погибнуть, и надеются на то, что с ним все будет хорошо, но не до конца осознают, что у этой профессии гораздо больше подводных камней... Как будто они еще совсем маленькие. Например, этим летом выяснилось, что Кейт не знает, что означает слово «пытки». Я была в полном шоке: это слово даже в пятой части «Гарри Поттера» употребляется (возможно, в более ранних частях тоже, точно не помню), не говоря уже о том, что у нас идет война, наши военные попадали в плен, и их там пытали, так что за последние полгода это слово звучало из уст журналистов, наверное, миллион раз. Похоже, Кейт совсем не смотрит новости...

Может быть, когда мы станем старше, сверстники поймут мои переживания, но пока не особо...

10 сентября 2003 года

Я еще больше убедилась в том, что каждый должен делать, что хочет и то, что у него хорошо получается. Когда я вырасту, я, пожалуй, займусь разработкой роботов, которые занимаются разминированием. Насколько я понимаю, раньше этим всегда занимались только люди в специальных очень толстых и объемных костюмах. Это очень страшно, опасно и вызывает огромный стресс, даже у тех, у кого все в порядке с нервной системой. В последние десятилетия появились роботы, но они пока не очень продвинутые, поэтому не всегда справляются. Было бы круто, если через двадцать лет людям больше не приходилось бы заниматься разминированием. И было бы здорово, если бы я могла внести в это свой вклад. Гипотетически это возможно: с математикой у меня хорошо.

12 сентября 2003 года

Папа от нас съехал. Они и раньше часто ругались, но в последнее время делали это все чаще... Но мама и бабушка сказали, что это временно, и родители не разводятся. А бабушка считает, что им давно уже надо расстаться, и так было бы лучше для всех.

И я снова скучаю по брату, хотя мы часто разговариваем.

А по поводу развода родителей мне все равно. Когда папа жил еще с нами, он много работал и редко появлялся дома...

Война заставляет взрослеть. Еще полгода назад я бы, наверное, минимум две недели рыдала, если бы родители развелись или просто разъехались, а сейчас мне кажется это рутиной и мелочью жизни.

Я просто хочу, чтобы война в Ираке закончилась, Мишка вернулся домой, а на все остальное мне уже, если честно, плевать.

30 сентября 2003 года

Не знаю, нормально ли это, но к тому, что брат на войне, можно привыкнуть. Весной иногда у меня даже руки дрожали непроизвольно, и я всегда засыпала с трудом, а сейчас все будто бы как раньше. Я понимаю, что Мишка каждый день рискует жизнью, я все понимаю, мне уже целых восемь лет, но мы болтаем регулярно, и я больше не волнуюсь. У них там даже иногда есть выходные. В целом у них все в порядке. Ну, то есть как: тем, кто понимал, куда идет, таким, как Мишка, кто с детства хотел стать военным, им там все по душе, остальным тяжелее, конечно, но у них внимательный и опытный командир с отличным чувством юмора, а еще рядовые сами стараются поддерживать друг друга.

Местные жители им очень благодарны.

Брат говорит, что Ирак – это очень красивая страна. Гораздо красивее Америки. Ну, или Америка ему уже просто приелась.

27 ноября 2003 года

Это первый в жизни День Благодарения без Мишки. Почему-то раньше так получалось, что, когда он служил еще просто на базе в другом штате, в ноябре он всегда прилетал в отпуск домой, а в этом году мы впервые отмечаем без него.

Не знаю, предаю ли я его тем самым, но все эти месяцы, начиная с августа, когда брат снова улетел в Ирак, я даже ни разу не плакала. Мишка и дедушка говорят, что горевать не из-за чего, там все нормально, а мама, бабушка и прабабушка рады, что я успокоилась.

А сегодня меня прорвало, и я ревела ни с того ни с сего. Брат даже не ранен, а я рыдала.

Мама и бабушка сказали, что это нормально и что когда близкие в «горячей точке», даже взрослые иногда роняют слезу, причем не только когда их родственник в беде, а даже просто так. Так как напряжение на пределе. А еще взрослые отвели меня к психологу, но мне у нее не понравилось.

25 декабря 2003 года

Рождество без Мишки. Но не первое в жизни. В прошлом году было так же, поэтому вроде не так больно...

31 декабря 2003 года

Сегодня около семи вечера к нам пришел папа: поздравил меня, вручил подарок, но сначала даже не хотел раздеваться. Бабушка в это время готовила салаты у нас дома, так как по советской привычке считает именно Новый Год основным праздником, уговорила его остаться до полуночи и отметить всем вместе. Мы же все-таки семья, и в такие темные времена должны держаться друг друга. К тому же, она знает, что у папы другой семьи нет. Мама не очень хотела его пускать, но в итоге согласилась типа ради меня. Хотя нельзя сказать, что я сильно обрадовалась этому. Я все еще не могу простить ему того, что он сказал о Мишке...

В итоге вместо празднования Нового Года взрослые выясняли отношения и разбирались с тем, можно ли брату продлевать контракт или надо как-то добиться того, чтобы он прекратил карьеру снайпера, жил обычной жизнью или хотя бы сменил специальность на менее боевую.

В целом мама, бабушка и прабабушка, на мой взгляд, немного успокоились. Они, конечно, переживают из-за того, что он в «горячей точке», но они видят, что он действительно обучен, у него голос счастливого человека, он делает то, от чего кайфует, то, во что искренне верит, так что надеются на то, что все обойдется. По поводу продления контракта они говорят, что еще рано об этом думать.

Папа в середине ночи ушел от нас, сказав, что у нас сумасшедший дом, а не семья, и спорить с нами бесполезно.

19 января 2004 года

Я узнала, что Денис серьезно ранен. Причем он получил контузию еще в конце апреля, но взрослые, и даже Мишка, тогда мне ничего не рассказали, чтобы я не переживала. Бабушка за него очень волнуется, тем более выяснилось, что его родители умерли.

Я пыталась расспрашивать взрослых о нем, но мне ничего не рассказывают. Мол, я и так слишком травмирована, и пугать ранениями других они меня не будут. Они признали, что я прекрасно понимаю, что многие наши военные ранены, кто-то вообще погиб, но одно дело – когда это почти безликие люди, которых я вживую не знаю, пусть даже некоторых из них знает, возможно, Мишка, и совсем другое – рассказывать мне о конкретном пострадавшем, так как я якобы тогда буду лишней раз проецировать эти риски на брата или начну убиваться горем еще из-за Дениса.

20 января 2004 года

Мне снова снились кошмары. Мама сказала, что этого они и опасались, поэтому от меня и скрывали новость о ранении Дениса, и я не должна на них дуться и считать, что обязана знать все. Они что-то скрывают ради моего же блага.

5 февраля 2004 года

Я в очередной раз встречалась с папой. К нам домой он больше не приходит, так как мама и особенно бабушка его теперь на дух не переносят. Он снова пытался уговорить меня убедить брата не продлевать контракт. Говорил, что сам Мишка его не воспринимает, и вся надежда только на меня. Глупо. Если я начну передавать брату слова взрослых, он сразу же поймет, что я действую не по своей воле, и раскусит их коварный замысел. Но с кислой рожой я все-таки выслушала отца.

– Армия в любом случае – это очень неприятная штука, но Миша умудрился еще выбрать боевую специальность. У них даже во время обучения колоссальные нагрузки на весь организм, они не просто бегали и учились стрелять, их гоняли на огромные дистанции, ночью, в дождь, в слякоть, в жару, когда угодно. И не просто гоняли, а с тяжеленными грузами. Это не просто спорт, походы и приключения, которые Мише по душе, это очень вредно для здоровья. Он пока этого в силу возраста не понимает, точнее, наверное, просто не хочет об этом думать, надеется на то, что с ним такого не произойдет, но ты же здравомыслящий ребенок, ты даже учишься лучше, чем он в свое время, так что задумайся, пожалуйста, об этом.

– Если так рассуждать, то любая работа вредна для здоровья, – парировала я, поразмыслив. – Почти все взрослые целый день на работе сидят за компьютером, а это вредно для зрения и для позвоночника. И что ты тогда предлагаешь всем не работать и голодать?!

– Нет, конечно, но офисная работа не так критична, как армия. К тому же в свободное время люди занимаются спортом, поэтому последствия от сидячего образа жизни не настолько катастрофичны. Даже если Мишу не ранят на войне, у него в любом случае к двадцати пяти, максимум к тридцати годам будут болеть колени и спина так, что он ночами рыдать будет или пожизненно сидеть на таблетках придется, что тоже не очень круто. Очень мило, конечно, что ты хочешь, чтобы война в Ираке закончилась, но об этом должны молиться иракские дети, а не ты. Если даже та война закончится, для Мишки и для тебя ничего не поменяется. Он профессиональный военный, если закончится одна война, его отправят на другую. Он практически постоянно будет в «горячих точках», так как здесь снайперы, к счастью, не нужны. Понимаешь?

Я кивнула.

– Ему никто не будет платить деньги только за то, что он на своей базе или даже на каких-то учениях стреляет по неживым мишеням. Да, конечно, насколько я знаю, они время от времени проходят какие-то курсы переподготовки, у них есть какие-то соревнования, учения в Америке или в других странах, где есть наши базы, скажем, в Германии, но вся основная работа снайперов происходит в «горячих точках». Удивительно, что его еще в 2002 году не отправили в Афганистан, я не знаю, как там и кто это решает, но, возможно, тогда его считали еще недостаточно подготовленным. Конечно, хорошо, что их хотя бы обучают, а не сразу бросают в самое пекло, но даже очень опытные бойцы, к сожалению, иногда погибают или получают ранения. Скорее всего, в Америке он вообще теперь появляться будет только во время отпуска. Может быть, еще максимум один-два месяца в году будет проводить на базе, но сомневаюсь, что больше. На время контракта он принадлежит государству, своей жизни у него нет. Тебя, например, не беспокоит, что у него нет девушки? С той, которая была, он расстался.

– А должна быть?

– Джинни, Мише двадцать лет, в двадцать лет все должны с кем-то встречаться. Подрастешь, надеюсь, поймешь на собственном опыте. Бывает, что люди расстаются, но у Миши с такой работой в принципе никакой личной жизни не будет.

– Ну, он же в Ираке, – констатировала факт я. – Где он там возьмет девушку?

– Тебе его не жалко?

– Ну... Может, и жалко немного, но найдет же еще. Зато он крутой военный, разве это неважно? Почему ты его не любишь?

– Я его как раз таки люблю, а все остальные смирились с тем, что он у нас теперь снайпер.

– Ты его убийцей назвал!

– Ладно, я погорячился тогда, извини, – ответил папа задумчиво.

Кроме того, папа сказал, что нахождение на войнах чревато психическими проблемами. Причем расстройства у Мишки могут развиваться не сразу, так бывает, но в один прекрасный день уже в Америке он может просто напасть на кого-нибудь ни с того ни с сего, так как ему что-нибудь почудится, и Мишку посадят в тюрьму. Тогда мама и бабушки поймут, что папа был прав, но будет уже слишком поздно... Если они действительно хотят такой участи для своего сына и внука, то пусть спускают все на тормозах.

19 февраля 2004 года

Я передала слова папы Мишке, он выслушал меня, но уверил, что психом не станет, а если у него и возникнут сложности в адаптации к мирной жизни, то он пойдет к военному психологу, и его вылечат. Здесь никто не остается один на один с бедой. А по поводу травм и болезней тоже переживать не стоит, так как ему полагается пожизненная бесплатная медицинская страховка, а еще ему будут выплачивать пенсию, если с ним что-то случится.

Маме и бабушке я тоже рассказала все, что сказал папа, они, похоже, немного напряглись, но потом дедушка нас всех заверил, что переживать не из-за чего. Он признал, что армия – это, конечно, не санаторий, но мой брат понимал, куда шел, занимаясь этим, он счастлив, а все издержки профессии не столь критичны. По его словам, если мы любим Мишку, то должны принять и уважать его выбор.

Пожалуй, дедушка глаголит истину. Меня, например, на бейсбол никто не заставляет ходить, так как мне это не нравится, почему тогда мы должны запрещать Мишке делать то, что нравится ему? И кто тогда будет нас защищать, если каждая семья запретит своему ребенку становиться военным? Получается, военными будут становиться только сироты либо те, чьим родителям на них плевать? Или как?

27 апреля 2004 года

Сегодня папа, а также, как почти всегда в последнее время, бабушка, дедушка и прабабушка собрались у нас дома с самого утра. Когда я спустилась на завтрак, все сидели какие-то сумрачные и молчали. Я озадаченно посмотрела на них, но спрашивать ничего не осмелилась. Через несколько минут все же робко поинтересовалась, что случилось.

– Все нормально, кроме того, что твой брат по вине твоего почему-то так обожаемого дедушки находится черт знает где! – раздраженно ответила мама, повысив голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.